19. Обзор политического состояния СССР за июль 1927 г. (по данным Объединенного государственного политического управления)// "Совершенно Секретно": Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2003.

20. Приложение «Восточные автономные республики» к обзору ОГПУ политэкономического состояния СССР за октябрь 1924 г., не ранее 1 ноября 1924 г.// Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

21. Приложение к справке восточного отдела ИНО ОГПУ о восстании в Грузии «некоторые материалы, характеризующие политическое настроение и экономическое положение крестьянских масс Закавказья», 4 сентября 1924 г., Св. № 12 на 5 мая, Св. № 18 на 1 июля; Св. № 16 на 8 июня; Св. № 9 на 20 марта// Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

22. Сводка № 3 информотдела ОГПУ об экономическом расслоении и политическом состоянии деревни за время с 24 по 31 января 1925 г., 3 февраля 1925 г., Азербайджан, 25 марта// Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

23. Сводка № 4 материалов информотдела ОГПУ по землеустройству в национальных восточных республиках и автономных областях на 15 ноября 1925 г.// Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. 1923–1929 гг. М.: РОССПЭН, 2000.

24. Телеграмма Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину, И. В. Сталину от 12 декабря 1920 г. Москва- Кремль, Ленину, Сталину. Баку, 12/XII-20 г.// Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 1996.

Бараненко В.В.

КОНТРОЛЬ ЧЕРЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ: ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1920-Е ГГ.

Аннотация. В статье анализируются аспекты получения разрешений на собрания, крестные ходы и объезды епископов, а также их роль в контексте государственной политики. Рассматриваются нормативно-правовые акты, регулирующие религиозную деятельность, и деятельность органов НКВД в контроле над церковью. Выделяются изменения в политике в связи с коллективизацией, а также влияние обновленческого раскола на выдачу разрешений.

Ключевые слова: механизм выдачи разрешений, антирелигиозная политика, Советское государство, Русская православная церковь, религиозные мероприятия

Summary. In this article, the author examines the process of obtaining permits for meetings, processions, and bishops' de-tours, and considers their role in the context of state policy. It analyses the legal acts that regulate religious activity and the activities of the NKVD in controlling the Church. The article also considers the impact of collectivisation on policy, as well as the effect of the Renovationist schism on the issuing of permits.

Key-words: authorisation procedures, anti-religious policy, Soviet state, Russian Orthodox Church, religious events

В 1920-е годы Советское государство активно проводило антирелигиозную политику, направленную на ослабление влияния религиозных институтов, в том числе Русской православной церкви. Одним из ключевых инструментов контроля над церковной деятельностью стала выдача разрешений на проведение религиозных мероприятий.

После Октябрьской революции 1917 года Советское государство издало ряд нормативно-правовых актов, направленных на ограничение религиозной деятельности. Первый и наиболее важный нормативно-правовой акт, определивший основы взаимоотношений между государством и религиозными организациями в Советской России, был Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный 23 января 1918 года [1, с. 371–373]. Этот документ устанавливал светский характер государства и школ, ликвидировал преимущества любой религии, запрещал религиозным организациям владеть собственностью. С целью конкретизации проведения в жизнь положений Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» 24 августа 1918 г. было издано Постановление Наркомюста РСФСР от 24 августа 1918 года № 685 «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция)». В пункте 31 данного постановления указывалось, что религиозные шествия и совершение любых религиозных обрядов на улицах и площадях допускались только с письменного разрешения местной Советской власти. Организаторы должны были получать разрешение заблаговременно, но не позднее чем за 2 дня до публичного совершения религиозной церемонии. В выдаче разрешений Совет Рабочих и Крестьянских депутатов руководствовался пунктом 5 декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» [2, с. 41].

16 ноября 1918 г. был издан Циркуляр VIII Отдела Народного комиссариата юстиции РСФСР по вопросу об отделении церкви от государства, в котором подчеркивалось, что собрания граждан, приверженцев определённой религии, не должны быть запрещены, если целью таких собраний является обсуждение хозяйственных или вероисповедальных нужд [3, с. 69–70]. Разрешение на совершение религиозных обрядов (вне храма) предоставлялось в каждом отдельном случае, соответствующим государсвтенным органом. Выдача общих разрешений на проведение различных религиозных мероприятий не рекомендовалось [4, с. 69].

С целью выполнения законодательства для проведения любого религиозного собрания представители православной церкви должны были

подать письменное заявление в местные органы власти: сельсовету, если религиозный обряд совершался в пределах одного села, волисполкому – при условии совершения религиозного обряда в двух или более сел, или уездному управлению милиции и губернскому административному отделу, в том случае, если местом проведения мероприятия значился уездный или губернский города [4, с. 69].

Заявление включало описание мероприятия, указание даты, времени и места проведения, программу собрания, а также фамилию, имя и отчество, род занятий и место жительства ответственного организатора [5, с. 34]. В отдельных случаях требовалось указать предполагаемое количество участников. Информация о всех разрешенных либо отклоненных собраниях верующих уездные исполкомы ежемесячно сообщали в губисполком [6, л. 405, 947, 956].

Проведение крестных ходов также требовало получения разрешений. Процедура подачи заявок включала предоставление маршрута крестного хода [7, л. 34]. Местные органы власти часто устанавливали ограничения по маршруту и числу участников, а в некоторых случаях полностью запрещали проведение крестных ходов [7, л. 58, 71].

Для объездов епископов своих приходов также требовалось получение разрешения. Заявка включала планы поездок, список посещаемых приходов и цели объезда. Местные власти контролировали передвижения и деятельность епископов, часто ограничивая их возможности для взаимодействия с паствой.

При рассмотрении заявления, государственные органы часто обращались в органы НКВД на предмет разрешения того или иного религиозного мероприятия, что о указывает на значительную роль органов НКВД в регулировании общественной и духовной жизни, что отражает политику государства по отношению к религии в тот период. Более того, подобная практика свидетельствует о делегировании функций, изначально возложенных на другие государственные органы, в ведение ГПУ-НКВД, что подчеркивает их ключевую роль в реализации государственной политики в сфере религии.

В 1922 г. выдача разрешительных документов для религиозных организаций претерпевает ряд изменений. Увеличивался срок подачи заявления на проведения съезда не позднее чем за месяц, если оно имело местный характер, и два месяца до предполагаемого мероприятия, в случае республиканского масштаба, для созыва собрания – за две недели [8, л. 6].

Выдача разрешений для проведения собраний и съездов религиозной направленности местного значения закреплялась за отделами управления губернских исполнительных комитетов, а на религиозные собрания республиканского масштаба уже являлось прерогативой НКВД. В том случае, если территория епархии находилась в пределах двух и более

гражданских территориально-административных единиц (губерний или округов), то для созыва епархиального съезда духовенства разрешение также выдавалось НКВД [9, л. 133–133об.; 10, л. 18].

Согласно инструкции НКЮ и НКВД РСФРС от 19 июня 1923 г. полномочия по выдачи разрешения на проведения религиозных собраний в пределах уезда передавалось от уездного исполнительного комитета в введение уездной милиции [5, с. 34].

Процедура подготовки и проведения съездов или совещаний общественных организаций включала несколько обязательных этапов и требований: необходимо было представить справку о регистрации в НКВД, утверждённый устав в трех экземплярах, постановление исполнительного органа объединения или союза о времени, месте и целях съезда или совещания в трех экземплярах, повестку дня съезда или совещания в трех экземплярах, исчерпывающие сведения о нормах представительства и предполагаемой численности съезда или совещания в трех экземплярах, а также оплатить гербовый сбор в установленном размере [5, с. 117–118].

В случае созыва общего собрания религиозного общества или группы верующих для разрешения вопросов о содержании храма и управления культовым имуществом разрешение не требовалось, тем не менее необходимо было известить милицию о времени, месте и предметах заседания общего собрания религиозного общества или группы верующих, чтобы представители власти имели возможность осуществлять предоставленное им право надзора [5, с. 146].

Не требовалось получать разрешения и уведомление местных властей и для отправления на дому в пределах одной семьи религиозных обрядов и треб (молебнов, панихид, соборование и т.д.) [5, с. 153]. Отсутствовала необходимость согласование и тех собраний, в том случае если в договоре с группой верующих при регистрации была прописана необходимость их созыва [11, с. 52].

Отдельное направление деятельности религиозных организаций, требующее получения разрешения от государственных органов, представляло собой осуществление сборов и пожертвований. Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. о самообложении населения, для удовлетворения местных общественных нужд, введение любых форм добровольных сборов и сбор пожертвований допускалось исключительно на основании специального разрешения, которое зависело от географического охвата предполагаемой деятельности. В случае, если сборы и пожертвования планировались на территории всего СССР, их утверждение требовало привлечение высшего органа – СНК СССР. Если же сборы ограничивались пределами одной союзной или автономной республики, то соответствующий орган этой республики принимал решение о выдаче разрешения. Аналогичная ситуация наблюдалась и на уровне

губерний, где местные губернские исполнительные комитеты или аналогичные органы принимали решения касательно сборов и пожертвований, если они проводились в пределах одной губернии или соответствующей ей административно-территориальной единицы [5, с. 329–330].

Представители духовенства также обращались в государственные органы за разрешением взять неиспользованную церковную утварь из закрытых храмов, для нужд приходов. Как правило такое ходатайство исходило от лица правящего епископа в губернский либо окружной исполнительный комитет [12, л. 34, 37].

До середины 1920-х гг., система выдачи разрешений на проведение религиозных мероприятий была относительно свободной. Власти проявляли определенную терпимость к духовенству и религиозным общинам. В это время процент отказов в выдаче разрешений был низким, что способствовало религиозной жизни.

Возникновение обновленческого раскола в 1922 г. отразилось на выдаче разрешительных документов. Представители нового церковного движения имели поддержку государственной власти, которая была заинтересована в широком распространении обновленчеств. В связи с этим имели место нарушения установленных законодательством норм по выдаче документов, разрешающих проводить религиозные мероприятия. Примером такого может являться выдача разрешения НКВД БССР священнику Ф. Курышеву организовать собрания и диспуты с целью продвижения обновленческих идей в Минской епархии без ограничения, за исключением съездов, для проведения которых необходимо было запрашивать отдельного разрешения в каждом случае, как это и требовалось по законодательству [13, л. 41–41об.].

Предоставляя определенные преимущества обновленцам на первоначальном этапе, государственные органы также прикладывали усилия по недопущению прекращения церковного раскола и укреплению с приверженцами патриарха Тихона (Белавина), что послужило причиной не предоставления разрешения Витебским губернским исполкомом для проведения общего собрания староцерковнических общин город Витебска с целью объединения [14, л.4об.].

В результате начала коллективизации и индустриализации в СССР в 1920-х – 1930-х годах политика государственных органов власти по отношению к религии претерпела существенные изменения. В рамках коллективизации власть стремилась разрушить традиционные крестьянские устои, включая религиозные практики, которые играли значительную роль в жизни деревни. Религия воспринималась как символ старых порядков и как фактор, способствующий сохранению индивидуалистических настроений среди крестьян. Власть считала, что для успешной реализации

коллективизации необходимо устранить влияние церкви и религиозных институтов.

В апреле 1929 г. было издано постановление ВЦИК и СНК РСФСР о религиозных объединениях. Данный документ по вопросу регламентации выдачи разрешений повторял ранее принятые нормативно-правовые акты за исключением уточнения, что исполнительным органы и ревизионным комиссиям религиозных объединений разрешалось собираться для обсуждения финансово-хозяйственных вопросов без уведомления властей [3, с. 95]. Параллельно с этим на местах местные органы власти самостоятельно расширяли список мероприятий, для которых требовалось получение разрешения от государственной власти. Примером последнего может служить необходимость согласовывать проезд епископа по территории «чужой» епархии [15, л. 23].

В этот период духовенство часто сталкивалось с отказами в выдаче таких разрешений либо вынуждено было выплачивать определенные суммы денежных средств для получения положительного ответа [16, л. 80 об.]. В некоторых случаях местные власти отзывали ранее выданные разрешения на проведение мероприятий, что создавало значительные трудности для причтов. Такие ситуации подрывали доверие к административным процессам и вызывали беспокойство среди верующих, так как отмена разрешений происходила непосредственно перед началом запланированных собраний [17, л. 75].

Массовый отказ в выдаче разрешений на проведение собраний для верующих и духовенства привел к тому, что эти мероприятия стали организовываться нелегально [18, л. 4об.]. При этом в некоторых случаях, местные власти узнав про такие собрания не применяли репрессивные меры, а направляли на них своих представителей с целью взять инициативу в свои руки. Это делалось для предотвращения возможных массовых выступлений, вызванных озлоблением верующих на фоне закрытия церквей и притеснения религиозных свобод.

Выдача разрешений на проведение религиозных мероприятий православной церкви в 1920-е годы была важным инструментом антирелигиозной политики Советского государства. Она позволяла контролировать и ограничивать церковную деятельность, создавая препятствия для проведения собраний, крестных ходов и объездов епископов. Это способствовало ослаблению влияния церкви на общественную жизнь и поддерживанию атеистической идеологии в советском обществе. В то же время, несмотря на значительные трудности, православная церковь продолжала свою деятельность, сохраняя религиозные традиции и веру среди населения. Условно, можно выделить два периода в политике Советского государства по отношению к выдаче разрешений религиозным организациями на проведения мероприятий.

В первые годы власти большевики использовали механизм выдачи разрешений для контроля, проявляя относительную терпимость: процент отказов был низким. Однако к середине 1920-х политика ужесточилась, что привело к нелегальным собраниям. Это отражало более широкую антирелигиозную политику, направленную на ослабление влияния церкви в условиях коллективизации.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
2. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы. М, 2018. Т. 1. Кн. 3.
3. Религиозная сельскохозяйственная артель «Добрыниха». 1917–1934 гг.: Сборник документов и материалов. М., 2012.
4. Революция и церковь. 1919. №3.
5. Гидулянов П. В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верхсуда РСФСР и др. советск. социалистич. республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. М., 1926.
6. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 1821. Оп. 1. Д. 684.
7. ГАВО. Ф. 118. Оп. 4. Д. 12.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 6606. Оп. 1. Д. 349.
9. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). ф. 2786. Оп. 1. Д. 158.
10. НИАБ. ф. 2786. Оп. 1. Д. 411.
11. Революция и церковь. 1922. №1–3.
12. ГАВО. Ф. 118. Оп. 4. Д. 12.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 166.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 205.
15. НИАБ. ф. 3375. Оп. 1. Д. 2.
16. ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 746.
18. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.

Баранов А.В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1920-Х ГГ. В КУБАНО-ЧЕРНОМОРЬЕ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЙ СЕТИ ПОСЕЛЕНИЙ[1]

Аннотация. В статье установлено влияние демографических процессов 1920-х гг. в Кубано-Черноморском регионе на изменения сети поселений. Автор оценивает уровень рождаемости и смертности, урбанизации, миграций на протяжении периода новой экономической политики. Аргументируются различия демографических процессов на этапах формирования НЭПа, курса «Лицом к деревне» и перехода к коллективизации.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сёл Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.».